

УДК 821.161.1 + 82-13

Г. И. Карпова

Кемерово, Россия

МОТИВ СУДА В ПОЭМЕ ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА «СЕДЬМОЕ НЕБО»

Рассматривается поэма В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» (1959–1967) в аспекте мотивного анализа. Отмечается важность мотива суда в архитектонике и авторском замысле поэмы.

Ключевые слова: поэма, эпический и лирический сюжет, мотив, композиция, поэтика заглавия.

В 1982 г. в предисловии к книге «Поэмы» Василий Дмитриевич Фёдоров отметил: «...добрую половину всей моей поэтической продукции представляют поэмы» [1, с. 3]. К работе над автобиографической поэмой «Седьмое небо» (1959–1967) В. Д. Фёдоров приступил, имея опыт создания пятнадцати поэм. Книга «Лирическая трилогия», положившая начало его поэмному творчеству, вышла в Новосибирске в 1947 г. В 1968 г., в год своего 50-летия, В. Д. Фёдоров стал Лауреатом Государственной премии РСФСР им. М. Горького, поэма «Седьмое небо» получила высокую оценку в критике 1960–1970-х гг. По воспоминаниям Б. В. Иванова, который в 1971 г. слушал поэму в авторском исполнении, В. Д. Фёдоров сказал слушателям: «Ну, вот и всё. Главную свою работу завершил» [2, с. 155].

Через пятнадцать лет после издания поэмы автор так оценил свою работу: «“Седьмое небо” – это произведение о моем поколении с его довоенной романтикой и суровой реальностью войны. Это поэма о годах нашей юности с их взлетами и социальными издержками. Я писал ее в пору, когда новое поколение открыло космическую эру и Гагарин совершил свой первый звездный полет. Известие о его полете совпало со временем работы над четвертой главой с названием “Земля и Вега”, в которой мой герой Василий Горин рассказывает о своем фантастическом пребывании на далекой звезде. Реальное событие стало продолжением сна. <...> В “Седьмом небе” мне, на мой взгляд, в какой-то мере удалось реализовать свою давнюю мечту о многоплановой поэме с эпическими героями. Не каждый

Карпова Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043; galina-karпова56@yandex.ru; +7 (384 2) 58 27 45)

Сюжетология и сюжетология. 2013. № 2. С. 65–71
© Г. И. Карпова, 2013

герой дает возможность рисовать социальную картину мира, а вот Горин, Марьяна и Борис с их сложной любовью даже и не мыслились вне социальных потрясений» [1, с. 6–7].

Поэма «Седьмое небо» состоит из десяти частей: «Вместо эпитафии», «Первая высота», «Чужая жизнь», «Лирическое отступление», «Земля и Вега», «Память века», «Москва, Москва...», «Смертная высь», «Крылья на полдень», «Эпилог прощания». Как и в книге «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского, каждая глава «романической поэмы» «Седьмое небо» завершена. По мнению известного московского критика И. В. Денисовой, «каждая глава – самостоятельная поэма (а может быть, и поэтическая новелла), вновь подтверждающая, что Василий Фёдоров справедливо считается несравненным мастером современной компактной драматической поэмы» [3, с. 60]. Основных глав с эпическими героями семь, что соотносится с заглавием поэмы «Седьмое небо». Глава о Дине названа автором «Лирическим отступлением», так как история о ней, по словам создателя поэмы, – «явление частное».

Заглавие поэмы «Седьмое небо» связано с представлением о седьмом небе рая. Небо, по Аристотелю, состоит из семи сфер. Самое высшее седьмое небо в средневековых представлениях было обиталищем ангелов у Престола Божия. Выражение «быть на седьмом небе» означает быть безгранично счастливым. Критик журнала «Наш современник» А. Романов так интерпретировал заглавие фёдоровской поэмы: «Седьмое небо – метафора народная. Это предельная высота человеческого духа», «поиски “седьмого неба” есть поиски самого себя, истинного, не кажущегося, обретение своего нравственного сознания и душевного очищения» [4, с. 171].

Как верно подметил В. Панков, в биографическом сюжете поэмы главным оказывается «биография души героя». Василий Горин ищет путь к «седьмому небу духовного совершенствования» [5, с. 326, 330]. Читатель, вовлечённый в духовные борения героя, осознаёт, что к седьмому небу пробиваются не только на ракетах, его надо достигать окрылённой душой: «Кто хоть однажды Был крылатым, Приписан к небу навсегда» [6, с. 128–129].

Важен в поэме «Седьмое небо» мотив испытания Василия Горина дружбой, любовью, трудом: «Земным, но трудным испытанием Меня испытывал завод. Огнями, Громом, Грозной силищей, Усладой, Мукою труда. Он был и адом, И чистилицем, И даже раем иногда» [6, с. 43]. Б. А. Леонов указал на связь мотива испытания героя с мотивом прозрения [7, с. 287]. Как заметил В. Панков, Василий Горин «не просто рассказывает о минувшем. Он снова всё въяве переживает. Его занимает не одна своя жизнь, а свое время в движении» [5, с. 342]. Мотив прозрения связывает героя и автора. Л. О. Абакарова в кандидатской диссертации «Поэмы Василия Фёдорова» отметила, что автор и герой поэмы «Седьмое небо» – «люди одного поколения, как и Тёркин» [8, с. 19].

Как и у А. Твардовского, авторский голос в фёдоровской поэме носит предельно обобщающий характер. Например, философские раздумья о русском народе, о духовной миссии России, выигравшей Вторую мировую войну: «Мы небо На плечах несли, Чтоб мир Не одичал во мраке» [6, с. 137]. Образ Советской России, её силу и правду В. Д. Фёдоров, по мнению П. С. Выходцева, «видит в силе духа и воли народа, который – всему закон, “всему судья”» [9, с. 308]. В стихотворении «О, Русь моя!..», вошедшем в книгу «Лицо века» (1960–1961), поэт писал: «Народ, Извечный, как земля, Кто б ни играл судьбой, Все вековые векселя Оплачены тобой» [10, с. 235].

Как и в поэзии А. Т. Твардовского, в поэмах В. Д. Фёдорова передан «народный взгляд поэта на вещи и явления» [0, с. 310]. В афористически ёмких авторских рефлексиях в поэме «Седьмое небо» звучит опыт народной житейской и ду-

ховной мудрости. В статье «Слово – жизнь» В. Д. Фёдоров так определил назначение поэзии: «Поэзия – синтез духовной жизни народа» [11, с. 238]. Фёдоровская концепция поэтического слова отражена в статье «Магнитное поле стиха»: «По существу, что такое стихи? Это один из способов передачи духовной энергии от одного человека к другому. Сначала она познаётся поэтом, а через него и другими. Исходный материал – слово. Слова в стихе – энергетическая цепь. Слова должны быть составлены так, чтобы они контактировали друг с другом и в общей цепи сохраняли ту энергию, которую в силу своего контакта извлёк из них поэт. Каждое слово само по себе уже таит дремлющую духовную силу» [12, с. 76]. Духовной энергией слова пронизана одна из лучших поэм В. Д. Фёдорова.

Молодые герои поэмы «Седьмое небо» – Василий Горин, Марьяна, Дина, Борис – представляют судьбу поколения времени политических репрессий и Великой Отечественной войны, сохраняя этический максимализм, душевную чистоту, презируя компромиссы (уход Дины от Горина). Как отметила И. В. Денисова, фёдоровские герои и в «тревожный век» не оставляют «упорных поисков Истины – в большом и малом, – в решении общенародных задач и в личном, интимном» [3, с. 75]. Поиском слияния Истины, Красоты и Добра озабочены автор и герой поэмы «Седьмое небо»: «Любовь! Горят её костры, Мудреют люди в добром свете. Любовь и Правда – Две сестры, Идущие через столетья...» [6, с. 42].

В. Панков точно отметил: «В сюжете поэмы многие строфы выделяются словно самостоятельные лирические стихотворения. <...> Это и стихи-раздумья, воспоминания и стихи-признания, связанные с сюжетом, они становятся не обособленными, но внутренне самоценными миниатюрами. И чаще всего они оказываются ключевыми строфами, освещающая сюжет внутренним лирическим светом» [5, с. 338]. В поэме «Седьмое небо», считает критик, В. Д. Фёдорову «удалось добиться органического соединения эпики и лирики», когда эпические и лирические потоки повествования, «сюжетные и лирические куски не разделены, составляют единую цепь» [5, с. 341–342].

Мотив суда в эпическом (историческом) и лирическом (любовном) сюжете поэмы «Седьмое небо», на наш взгляд, является ключевым. Мотив суда в поэме многообразен. Мотив несправедного суда реализован в историческом сюжете поэмы и связан с темой сталинских политических репрессий: трагические судьбы брата Василия Горина Андрея, учителя музыки Марьяны, авиаконструктора Владимира Петлякова и самого автора-героя поэмы. В лирическом сюжете поэмы «Седьмое небо» мотив суда осложнён мотивом мщения: мечь Бориса, Василия, Дины. Суд над Василием Гориным на Веге вводит в поэму тему самосуда героя во сне. Значим для осмысления мотива суда религиозный подтекст поэмы, оппозиция небесного и земного. Духовное становление главного героя поэмы Василия Горина связано с уходом от суда над ближними и осознанием своей греховности. Путь познания мира и процесс самопознания даёт возможность обрести «крылатость» и открывает путь к «седьмому небу».

Глава «Первая высота» не только о первых полётах в аэроклубе, объяснении в любви Марьяне фигурами высшего пилотажа и первом крушении на По-2 из-за «излома» винта (разработчик учебного самолёта Николай Поликарпов). Василий Горин берёт первую высоту в духовной жизни, уступает возлюбленную земному сопернику-другу Борису: «Я был готов на отречение От счастья – Что она жива». Борис на такое самопожертвование не способен. Он в гневе судит друга, не щадя больного: «Я видел руки в гневе сжатые, Такие руки насмерть бьют И никогда однажды взятое Назад уже не отдают [6, с. 18].

В первой главе поэмы заявлена тема политических репрессий 1930-х гг. Сторожиха леспромхоза, мать Марьяны, растит девочку одна. Школьный учитель музыки в леспромхозе – «какой-то старенький Орфей, Судьбой неласковой за-

брошенный В лесное царство глухарей. Учил почти с благодарением Не самой трудной из судеб. Он рад был, Что не дров пилением Там зарабатывать свой хлеб» [6, с. 9].

В главе «Чужая жизнь» служба на военном заводе в Иркутске усиливает размовку друзей. Борис, женившись на Марьяне, прощает «воздушного лихача». Но теперь земной суд вершит Василий, обвиняя друга в «грехопадении»: карьеризме, страсти к обогащению, послушании перед начальством: «И, увлекаемый Презрением, Горчил я мёд: – Как, почему? Ты обтекаемый, Почти как этот самолёт» [6, с. 28].

В главе «Лирическое отступление» начинает звучать суд повзрослевшего Василия Горина над собой: «И сам я в жизни рикошетил И сеял зло, Марьяне мстя, Пока в несчастье не встретил ещё несчастнее себя» [6, с. 34]. Женильба на Дине – это месть Марьяне, которая отказалась уйти от Бориса. Любя Василия, она пытается спасти Бориса: «У жизни он чужой в плену... Кто выведет его из плена?» [6, с. 33]. Уход Дины – новое испытание самолюбия Горина, позднее Дину он простит. Правда, и здесь проявляется гордыня от своей возвышенности, как и в главе «Первый полёт»: «Намучась, думал я в гордыне, Когда наш самолёт взлетал: Не так ли и бескрылой Дине Высокие я крылья дал» [6, с. 49].

Полёт Василия Горина в «стальном ковчеге» на Вегу во сне можно рассматривать как самосуд прозревшего героя, который озабочен судьбой Земли, а не выяснением только личных взаимоотношений: «Всё отошло. И милую не жаль. Ни перед кем Не чувствую вины я. Обида, Ненависть, Тоска, Печаль – Понятя исключительно земные» [6, с. 52–53]. Испив «звёздное причастье», герой теперь умеет «беседовать без слов». Во сне Василий признаёт правоту жриц «звёздного суда». Осознание того, что «не из большой любви, А из соблазна Любил, Страдал И тратил жизнь свою» [6, с. 56], ведёт далее героя «Седьмого неба» к покаянию.

Глава «Память века» начинается с разработки темы политических репрессий накануне Великой Отечественной войны, которые коснутся и главного героя поэмы. Суд над братом несправедлив: «Брат Родину любил. За это Врагами был он оклеветан И на крови тюремных плит Был именем её убит. Что из того, что честный воин Погиб не в тысячном строю! Он тех же почестей достоин, Как и погибшие в бою» [6, с. 68].

В открывшихся Кремлёвских расстрельных списках, на которых стоят личные подписи И. Сталина, В. Молотова, Л. Кагановича, есть фамилия брата В. Д. Фёдорова Андрея Дмитриевича Фёдорова, 1901 г. р., начальника политотдела Урало-Рязанской железной дороги [13, с. 36]. Расстрелян 12.09.1938, 1-я категория, г. Саратов – Рязано-Уральская железная дорога (АП РФ, оп. 24, д. 418, л. 191). Реабилитирован посмертно.

В поэме «Седьмое небо» вина брата тенью ложится на Василия Горина. Он испытал отчуждение бывших друзей, «боязливых человечков»: «– Брат негодя нам не брат! Мне и Борис руки не подал. Багровой, чем варёный рак, Скривился: – Брат врага народа Потенциально... тоже враг... [6, с. 70].

Горину пришлось пережить клевету Бориса на общем собрании: «Из-за преступного лихачества Разбил советский самолёт», «И снова Краской чёрной, В себя омакивая кисть, Чужой, Постыдной и позорной Изображал мою он жизнь» [6, с. 72]. Мстительность Бориса связана с жадной самоутверждения. Не предала Василия только Марьяна, крикнувшая Борису: «Ложь! Ложь!». Предложение любимой уехать вместе в родные места Василий отклоняет, но не из гордости, а из опасения за судьбу Марьяны: «О том лишь думал, чтоб она, Как ни мала моя вина, Не становилась К ней причастной» [6, с. 78]. Этот поступок – новая духовная высота Василия Горина.

Тема несправедливых политических репрессий продолжится в главе «Москва, Москва...». В конце 1940 г. Василий Горин едет в Москву на демонстрацию нового самолёта – пикирующего бомбардировщика Пе-2. Для автора и героя поэмы «Седьмое небо» примером духовной высоты становится образ выдающегося авиаконструктора Владимира Михайловича Петлякова (1891–1942), оклеветанного и репрессированного в 1937 г., но и в тюрьме (в КБ на Лубянке), работающего на страну: «Он даже там, Навету вопреки, Отращивал стране Большие крылья» [6, с. 89].

Создатель выдающейся технологичной машины, которую назвали «оружием победы» (за войну изготовлено больше 11 тысяч Пе-2), Сталинскую премию 1-й степени раздал тем сотрудникам, кто не был награждён. В поэме «Седьмое небо» реальный исторический герой заслуженно поставлен в ряд лучших сынов России – Чкалов, Громов, Гагарин: «Не видевший Ни звёзд, ни облаков И страху и безверью Не подвластный, Его творил Лобастый, Коренастый, Твой сын, Москва, Владимир Петляков» [6, с. 88].

Вспоминая встречу в Москве с Диной на новогодней ёлке накануне 1941 г., Горин судит себя за ревность, «порыв зла», заносчивый кураж: «Чужим весельем не пьянея, Сказал, предавшись куражу: – Я с женщинами не дружу, Я женщин лишь любить умею... Так я сказал, Прощаясь с нею, Весёлый покидая зал. Теперь до боли сожалею, Что так заносчиво сказал. Теперь иное откровенье, Иная правда мне видна. Любовь способна к перемене, А дружба более верна» [6, с. 95]. В главе «Москва, Москва...» неоднократно возникают думы о несправедливо осуждённом брате. В поиске правды Василий идёт в мавзолей к Ленину: «Я шёл к нему С судьбою братовой, Который так его любил» [6, с. 101]. В финале главы, обращаясь к Москве, которая творит «высший суд», автор призывает: «Известна прежде Кривостью своей, Сильна поныне Жёсткой директивой, Москва, Москва, Будь с каждым днём прямой, Москва, Москва, Будь с каждым днём Правдивей» [6, с. 103].

Мучительно медленно Василий Горин взрослеет духовно, пройдя через примирение с Диной, в главе «Смертная высь» в нём растёт «раскаянье и сожаленье» перед Марьяной [6, с. 109] и, наконец, прощение Бориса, погибшего при авианалёте: «Душа, омытая огнём, Достойна моего прощенья» [6, с. 120].

В главе «Крылья на полдень» Василий Горин вынужден вместе с комиссаром взорвать Пе-2, чтобы он не достался немцам. Геройский поступок он совершает, уведя немецкий Storch («Аист») на нейтральную территорию. Обстрелянный зенитчиками, сбитый другом на «И-16», чуть не отданный «в распыл» комиссаром, Горин чудом остался в живых: «Земную силу и небесную Я заклинал заклятьем слов: – Ты пронеси меня над бездною! Ну, пронеси! – И пронесло» [6, с. 132]. Молитва к небесной силе Творца спасает Василия Горина. Глава завершается странными для советского поэта размышлениями: «Прав и неверующих суд, Но правдой очень поздней меры, Которую солдаты веры Своей борьбою пронесут» [6, с. 136]. В. В. Сорокин в интервью 28.12.2011 сказал о любимом учителе, когда-то благословившем его на крестный путь поэта у памятника М. Горького: «Он мог быть великим религиозным деятелем по своему мировоззрению, мироощущению»¹.

¹ Сорокин В. В. До последнего дня. О поэте Василии Фёдорове. Автор сюжета – Владимир Цилёв. URL: <http://video.yandex.ru/external/4611686018922863968/view/90932939/?cauthor=molokols> (дата обращения: 19.01.2012).

В поэме «Седьмое небо» удивительно много религиозной лексики. Даже в «Эпиллоге прощания»: «И горько, что не почтены, Как памятники той эпохи, Те Лаги, Яки, Пусть не боги, Пусть только ангелы войны» [6, с. 139].

В эпиллоге уже нет темы суда, в финале звучит мотив прощенья: «Марьяна, милая, прости! Теперь в конце Вся жизнь видна. Однажды сказано правдиво: Любви несчастной нет, Она, Какой бы ни была, – Счастлива» [6, с. 143]. Василий Горин поднимается к «седьмому небу», обретая главное знание: жить надо с любовью к людям, даже если кажется, что они творят тебе зло. Отказ Марьяны в финале вызывает у героя только чувство собственной вины перед ней. Финал поэмы – обращение к читателю: «Всё-таки вокруг Людей крылатых Стало больше!» В выражении «крылатые люди» можно увидеть платоновский миф о крылатости души. Образ «высокой любви» главного героя поэмы вписан в христианскую систему координат. Василий Горин не забыл о своей небесной прародине и постоянно устремлён к достижению духовного идеала, к «седьмому небу». Уход от осуждения других к видению своих грехов и раскаянию – вот крестный путь спасения главного героя поэмы В. Д. Фёдорова «Седьмое небо».

Список литературы

1. Фёдоров В. Д. От автора // Фёдоров В. Д. Поэмы. М., 1983. С. 3–10.
2. Иванов Б. В. Именно такой // Иванов Б. В. Свой метр и ритм. М.: Сов. Россия, 1974. С. 142–155.
3. Денисова И. В. Беззаветно служить красоте. Поэзия Василия Фёдорова. М.: Современник, 1978. 192 с.
4. Романов А. «Ради высшей человечности» // Наш современник. 1978. № 11. С. 166–173.
5. Панков В. О книге Василия Фёдорова // Третьи петухи. Седьмое небо. М., 1970. С. 319–346.
6. Фёдоров В. Д. Седьмое небо // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: В 5 т. М.: Современник, 1988. Т. 3. С. 5–146.
7. Леонов Б. А. Над небом – небо // Молодая гвардия. 1970. № 6. С. 285–289.
8. Абакарова Л. О. Поэмы Василия Фёдорова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. 21 с.
9. Выходцев П. С. Певец красоты человеческой (литературный портрет В. Фёдорова) // Молодая гвардия. 1971. № 5. С. 299–311.
10. Фёдоров В. Д. О, Русь моя!.. // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: В 5 т. М.: Современник, 1987. Т. 1. С. 235–236.
11. Фёдоров В. Д. Слово – жизнь // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: В 5 т. М.: Современник, 1988. Т. 4. С. 236–243.
12. Фёдоров В. Д. Магнитное поле стиха // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: В 5 т. М.: Современник, 1988. Т. 4. С. 76–77.
13. Фёдоров В. Д. О себе и близких // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: В 5 т. М.: Современник, 1988. Т. 4. С. 6–47.

Карпова Г. И. Мотив суда в поэме В. Фёдорова «Седьмое небо»

G. I. Karpova

Kemerovo, Russia

**THE MOTIVE OF JUDGMENT IN THE POEM «THE SEVENTH HEAVEN»
BY VASILY FEDOROV**

The poem «The Seventh heaven» by V. D. Fedorov (1959–1967) is considered in the aspect of the analysis of the motives. The article notes the importance of the motive of judgment in the architectonics and in the author's idea.

Keywords: poem, epic and lyric plot, motive, architectonics, dynamics, poetic of heading.

Karpova Galina I. – candidate of philology, associated professor of the chair of journalism and Russian literature of XX century of Kemerovo State University (6, Krasnaya Str., Kemerovo 650043; galina-karpova56@yandex.ru; +7 (384 2) 58 27 45)